

СВЕТ МИНУВШЕГО

Борис Костин

Симеон Полоцкий

ОЦА НАШЕГО СИМЕОНА ПОЛОЦКАГО.

ВЕЗНАЧАЛНЫИ, БЕЗЛѢТНЫИ, И ПРЕВѢЧНО
СЫНЪ ГДЬ, ВРЕМЕНА ЛѢТА И ВѢКЪ БНІХЪ
СЪЩАДЪ СОЗДАВЫИ, НОВОМУ ДНЕСЬ ЛѢТУ
НАЧАЛО НАМЪ ПОЛАГАТИ, МИЛОСТИВНО
ДАРОБАЛЪ ЕСТЬ, СЛЪШАТЕЛІЕ БЛГОЧЕ-
СТИВІИ. БЖЕ НАМЪ НАМІНИШИИ. ПОЛОБЯШИИ. ЗА

АЩА
СЕНТЯ
ВЪ А
ДЕНЬ

Борис Костин
Симеон Полоцкий

«Костин Борис Акимович»

2011

ББК 63.3(4Беи)5

Костин Б. А.

Симеон Полоцкий / Б. А. Костин — «Костин Борис Акимович», 2011

ISBN 978-985-6994-36-7

Борис Костин – автор более десятка книг, в том числе в «молодогвардейской» серии «ЖЗЛ» – представляет жизнеописание Симеона Полоцкого – уникальной личности не только для века семнадцатого, но и для последующих столетий. Одновременно писатель во всей полноте представляет противоречивые оценки, которые давались деятельности Симеона Полоцкого его современниками, а также исторический фон, на котором проходило житие выдающегося просветителя.

ББК 63.3(4Беи)5

ISBN 978-985-6994-36-7

© Костин Б. А., 2011

© Костин Борис Акимович, 2011

Содержание

Божественный посланник	6
Глава I. «Аз есмь сын Церкви верный»	7
Глава II. Киево-Могилянские Афины	11
Глава III. В логове иезуитов	17
Глава IV. У истоков признания	21
Глава V. Дидаскал Симеон	25
Глава VI. Столичные смотрины	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Борис Костин Симеон Полоцкий

© Костин Б. А., 2011

* * *

Божественный посланник

«...Господи, верую объем в души моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благодости: помози ми, грешному, сие дело, мною начинаемое... совершити...» Эти слова заимствованы мной из «Молитвы перед началом всякого дела». Я с трепетом осенил себя крестом, помолился в церкви, ибо прекрасно сознавал, что приступаю к написанию книги необычной, таящей в себе недосказанность и целый ряд гипотез, поскольку мой герой оставил по себе множество головоломок. Его многогранному творчеству посвящены бесчисленные труды искусствоведов, философов, историков, церковных деятелей прошлого.

Казалось бы, истина ясна. Симеон Полоцкий, в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович – явление уникальное, и не только для века семнадцатого, но и для последующих столетий. Ведь не напрасно великий Ломоносов отзывался о книгах Симеона Полоцкого, как о «вратах премудрости».

Я предлагаю читателю войти в них и оценить, сколь прочен и основателен фундамент российского образования и просвещения, заложенный уроженцем древнего Полоцка, который не разделял общеславянское житие и верой и правдою, словом Божьим служил величию государства Российского.

Заранее оговорюсь: в мои намерения, дабы не отягощать магистральное направление, жизнеописание, не входила непосильная задача охватить все созданное Симеоном Полоцким. Однако я не отказался от мысли во всей полноте представить противоречивые оценки, которые давались творчеству и деятельности Симеона Полоцкого современниками и исследователями, характеристику его личных качеств: достоинств и недостатков, а самое главное, хотя бы штрихами обрисовать государственных и церковных деятелей эпохи правления Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, а также исторический фон, на котором проходило житие героя моего повествования.

Борис Костин, писатель, заслуженный работник культуры России

Глава I. «Аз есм сын Церкви верный»

*Солнце едино весь мир озаряет,
Бог превьспри небо един обладает.*

Симеон Полоцкий

«Отче наш, еже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое», – повторял за священником слова молитвы Господней отрок Самуил, несколькими днями до Святой Троицы закончивший в ученичестве вторую седмицу. Именно так позднее в одном из биографических стихотворений определит Симеон Полоцкий семилетние вехи, которыми отмечен его путь к признанию и почитанию.

Первой седмицей, по обыкновению, было познание Псалтири и Часослова. Второй – братская школа, которая каким-то чудом уцелела в Полоцке в годы оголтелой травли иезуитами православных христиан. Вопрос, куда направить свои стопы для продолжения обучения, был для Симеона Полоцкого далеко не прост.

Прежде чем отправиться по жизненной стезе вослед герою нашего повествования, возвратимся к истокам, то есть в год 1629-й, который, как и точная дата рождения Симеона Полоцкого, неоднократно оспаривались исследователями¹. Попытаемся выстроить свою версию и заглянем в святцы. Нет, вовсе не случайно Гавриил (Габриэль) Петровский-Ситнянович назвал сына Самуилом, что означает «испрошенный у Бога», очевидно, наследник был долгожданным, желанным, как и нескончаемы были молитвы родительские и чтение Библии. В ней о рождении пророка Самуила говорится:

Анна (мать): «О сем дитяти молилась я, и исполнил Господь прошение мое, чего я просила у Него; и я отдаю его Господу, на все дни жизни его, служить Господу...»²

С появлением на свет Божий пророка Самуила³ всё ясно. Тестамент, или духовная Татьяна Яковлевны, матери Симеона Полоцкого, во втором браке пани Шеремет, хоть и дает представление о ее многочисленной родне и взаимоотношениях с близкими, однако не позволяет установить последовательность, в которой появились на свет Божий ее чада.

Итак, обо всем по порядку. Выйдя замуж за купца и магистратскую особу пана Габриэля Петровского-Ситняновича, Татьяна Яковлевна овдовела в двадцать три года. Гадать на кофейной гуще не станем, обстоятельства смерти отца Симеона Полоцкого неизвестны. После его кончины Татьяна Яковлевна осталась с тремя сыновьями: Самуилом, Сильвестром и Лукашем.

Сосед четы Петровских-Ситняновичей пан Емельян (Амельян) Петрович Шеремет овдовел неожиданно-негаданно, оставив от первого брака сына Андрея и двух дочерей – Екатерину и Полонию. Хозяйство вдовы Гаврилы Петровского-Ситняновича нуждалось в крепкой мужской руке, впрочем, как и хозяйство вдовца Емельяна Шеремета – в рачительной женской. На том, видимо, они и сошлись, а вскоре Татьяна Яковлевна и Емельян Шеремет пошли под венец. Брак этот скрепило рождение сына Яна (Иоанна).

В заботах и хлопотах о многочисленном семействе трудно поровну разделить материнскую любовь между детьми своими и обретенными. Завещание Татьяны Яковлевны – свиде-

---

¹ В различных источниках указываются различные месяцы рождения Симеона Полоцкого: апрель и декабрь 1629 года. Упоминается также год 1628-й, искажается отчество и фамилия.

² Книга Царств I, 27–28.

³ XI в. до Р. Х.

тельство ее сердечной теплоты как хранительницы семейного очага, которая «денег никому не должна, только Господу Богу душою». И не потому ли так проникновенно и поучительно звучит стихотворение Симеона Полоцкого с примечательным названием – «Родителям равной любовью плати, негодник».

В Этике своей учит философ⁴ тому,
Что ничем равным не могут родителям
Воздать сыновья за то, что порождены
От крови их на сей плачевной земле.
Но я одного сына вижу,
Который обильней вознаграждает:
Так дорого платил он матери за ее труды,
Что большей и сам Бог не умыслит платы.
Христос и Мария.

Вновь обратимся к святцам. Православная церковь поминает пророка Самуила 20 августа по старому стилю. Пожалуй, именно этот месяц 1629 года можно считать отправной точкой прочтения судьбы Симеона Полоцкого, по которой слово Божие вело его будто чудесный посох.

...Они жили по соседству: Петровские, Скорины, Тяпинские, Шереметы, Яцкевичи – семьи среднего достатка, но отнюдь не бедные, и по обыкновению начинали трудовой день с молитвы. В те далекие времена человеческий век был краток, болезни и мор были делом обыденным, и недаром пословица гласила: «Проснулся живой – радуйся!» Радовались и молились Господу родители Самуила о том, что ниспослал им житие земное, преисполненное надежд на лучшее, чтобы продолжали сыновья род, во здравии пребывали и разума набирались.

Мы вправе усомниться в том, что расхожий художественный образ соответствует действительно Симеону Полоцкому⁵.

Мальчик все взял от природы. Был он крепок статью, смысленный, богобоязненный и дотошный, будто сызмальства твердо решил дойти самостоятельно до понимания истины. Уже в зрелом возрасте он напишет:

Истинна есть трегуба: ума, уст и дела
сия же не врежденна бывает и цела,
аще⁶ ум самой вещи уравнивается право,
уста же уму точнее словят, не лукаво,
дела паки⁷ закону аще отвечают,
истинна перед Господом Богом ся вменяют.

На некоторое время нарушив хронологию повествования, перенесемся в год 1708-й. В начале сентября в Полоцк пожаловал с небольшой свитой царь Петр Алексеевич. Северная война со шведами приближалась к своему апогею, и на карту было поставлено само существование государства Российского. Неприятель наступал с севера, с запада, и древний

---

⁴ Имеется в виду «Никомахова этика» Аристотеля. – *Прим. авт.*

⁵ Имеется в виду известная гравюра Г. Глушкова.

⁶ Аще – если, хотя, когда.

⁷ Паки – снова, еще, опять.

Полоцк, который по печальной традиции не обходило ни одно нашествие, вполне мог оказаться в зоне боевых действий.

В небольшом одноэтажном доме на берегу Двины состоялась историческая консилия, военный совет, который во многом определил исход кампании.⁸ Невдалеке от дома располагался Богоявленский собор, мужской монастырь, в котором действовала братская школа. В ее стенах царь-преобразователь словно окунулся в не столь далекое прошлое, из которого явно доносились голоса незабвенного родителя Алексея Михайловича и монаха Симеона Полоцкого.

Известный собиратель и ценитель древностей Петр Алексеевич, вынашивая мысль о написании истории государства Российского, не мог равнодушно пройти мимо бесценных фолиантов, хранившихся в библиотеке иезуитской коллегии и в Богоявленском монастыре. Полоцкая летопись, древнейшая из древнейших, несомненно стала бы весомым подспорьем в осуществлении задумки. И царь, выступивший с полками к Лесной, приказал отправить в Санкт-Петербург бесценные книги. Там они бесследно исчезли. А какой бы кладезь премудрости открылся потомкам, сколько бы событий в жизни Полоцка высветили бы они!

Имел ли возможность Симеон Полоцкий лицезреть сей уникальный труд хранителей памяти, как иногда называют летописцев? Вероятно, да.

Известно, что любознательность на пустом месте не возникает. А судя по творениям монаха Симеона, он с молодых лет обладал особым родом пытливости, которая не отпускала его душу до смертного часа. Книги и окружающий мир, пронизанный духом нетленной Истории, круто замешанной не только на крови, но и на созидании, сотворили личность, в которой возобладало творческое начало. Да иначе и быть не могло!

Бродя по улицам Полоцка, Самуил словно «прошагивал» события минувших лет, в которых правда чередовалась с вымыслом, а «преданья старины глубокой» давали обильную пищу уму.

Вот место, где норовистая и извилистая Полота, давшая название городу⁹, сливается с величественной Двиной и откуда берет свое начало первая русская трагедия. Прислушался – и словно из поднебесья зазвучал голос гордячки Рогнеды, полоцкой княжны: «Не желаю за робича!» Робичем тем был не кто иной, как князь Новгородский Владимир Святославович, впоследствии Великий князь Киевский и креститель Руси.

В Полоцке, стоявшем на известном всему свету пути «из варяг в греки», где шла бойкая торговля русичей с посланцами полуденного Востока и где царило многоязычие, испокон веков быть безграмотным считалось верхом неприличия. Устроитель веры Христовой на берегу Двины князь Полоцкий Изяслав, сын Владимира и Рогнеды, сущей бедой считал недостаток церковных книг, способных донести Святое писание люду полоцкому. Однако прошел век, прежде чем Слово Божие проторило дорогу к сердцам и душам полочан.

Чудо преображения сотворила хрупкая девица, в миру полоцкая княжна Предислава¹⁰, в крещении Евфросинья, с именем которой по святости и величию деяний неизменно соседствует поименования «Полоцкая» и «преподобная».

Вот могуче зазвучали колокола Богоявленского собора, а вослед им раздалась певучие голоса колоколов церкви Спаса, детища преподобной Евфросиньи. Она пристально, словно

---

⁸ 28 сентября 1708 года под деревней Лесной Петр I разбил шведский корпус Левенгаупта, назвав сражение «матерью Полтавской победы».

⁹ Полотск, Полтеск, Полтескье – названия Полоцка, которые упоминались в средневековье.

¹⁰ Праправнучка князя Владимира.

изучающе, смотрела на отрока Самуила с одной из фресок церкви, будоража его мысли и вызывая к раздумьям.

Так был найден достойный образец жития для подражания, так в душе отрока Самуила зародилась сокровенная мечта, отныне ставшая смыслом всей его жизни.

А зде житие наше чему подобится?
Имяй ума очы, право присмотрится:
Не блистание отъвне нужда созерцати,
Но от основания полезно есть знати.

Первые биографы Симеона Полоцкого, вослед нашему герою, также поделили образовательные периоды, которые сформировали личность философа, просветителя, проповедника, критика, драматурга, на отрезки, кратные семи годам. Первоначальный период, по такому воззрению, отрок Самуил завершил в 1643 году. Шел ему в ту пору пятнадцатый год. В те времена юноши взрослели рано, тем более когда не приходилось рассчитывать ни на родительскую опеку, ни на помощь сродственников. «Дошел своею головою...» – частенько употреблял сие высказывание будущий светило российской словесности, который, вкусив вдосталь плодов иезуитской настырности, не единожды задавался мучительным вопросом, куда направить стопы, где продолжить образование и как осуществить свою сокровенную мечту.

...Мерило человеческой жизни и событийной канвы – век. Минует сто лет, и ровесники Самуила Петровского-Ситняновича, к какому бы сословию они ни принадлежали, могли по душе и призванию выбирать любой жизненный путь. Служение России, поднятой Петром Первым «на дыбы» на многих поприщах, в том числе и на ниве просветительства, считалось делом первостепенным, государственным.

Но тогда, в середине XVII века, Московия, в силу бесконечных распрей, смут, войн, и конечно, с потугами преодолевая последствия татаро-монгольского ига, «юношам, обдумывающим житъе» ничего путного предложить не могла.

Глава II. Киево-Могилянские Афины

*Счастлив ты... что живешь между такими людьми, с которыми
хлеб мудрости делить можешь...*

*Симеон Полоцкий. Из письма ректору Киево-Могилянской коллегии
В. Ясинскому*

С превеликим трудом можно определить время, когда на слуху люда русского появилась поговорка «Язык до Киева доведет». Однако она в точности отражала положение дел в российском образовании после «великой разрухи». Отброшенное на долгие лета в историческую Тмутаракань, оно едва теплилось в монастырских стенах, и только путь подвижничества, который избрали единицы, вел к вершинам познания.

Московское государство, решавшее в XVII веке сложнейшие задачи внутреннего обустройства, то есть ликвидацию удельных порядков, укрепление самодержавия во всех сферах, не исключая духовную, а во внешних делах вынужденное вести борьбу ценой крайнего напряжения сил и средств, попросту было не способно в одночасье разорвать пути невежества.

Вечной трагедией русской истории называет видный бытописатель России А. Е. Пресняков «несоответствие народных сил со все возрастающими национально государственными потребностями». Справедливость этого высказывания не вызывает сомнения, и потому в решении отрока Самуила отправиться в Киев ничего предосудительного не было. Однако сама простота выбора была кажущейся.

Очевидно, родичам Самуила стоило большого труда отбиться от настойчивости местных иезуитов, державших в узде непокорных и сурово каравших своеволие. Полоцкий иезуитский коллегийум, находившийся, как говорится, под боком, имел достаточный опыт по «промыванию мозгов» православным отрокам и обращению их в католичество. Вероятно, отрок Самуил воспользовался советом человека, которому судьба юноши, осененного божественной дланью, была далеко не безразлична. Кто был этот человек – остается строить догадки.

Покуда отрок Самуил совершает долгий путь от Полоцка до Киева, заглянем в предысторию учебного заведения, в котором ему предстояло провести целых семь лет. Училище, или коллегию, основателем которой стал Петр Могила, не случайно называли «Киевской ученостью» или «Киево-Могилянскими Афинами».

Петр Могила якобы вел свою родословную от самого Муция Сцеволы¹¹. Его отец Симеон был одно время воеводой Воложским, а затем поочередно господарем Валахии и Молдавии, вплоть до завоевания последней турками в 1612 году. В ходе кровавой битвы за молдавский престол Симеон Могила с домочадцами чудом избежали расправы и вынуждены были бежать в Польшу, вражда которой с Турцией не прекращалась многие годы и где обосновались влиятельные и богатые родственники.

Воспитанный в православных семейных традициях, Петр Могила сделал выбор, который впоследствии предопределил всю его судьбу. Он получил образование во Львовской братской школе, существовавшей с незапамятных времен и являвшей собой остров, вокруг которого бушевало враждебное католическое и униатское море. Не поддастся слащавым

---

¹¹ Гай Муций Сцевола, легендарный римский герой. Прославился при осаде Рима этрусским царем Порсеной (ок. 509 г. до Р. Х.). Был взят в плен и, не желая служить врагам, сжег правую руку в жертвенном огне.

посулам тех и других в такой обстановке было вовсе не просто. До конца своей жизни Петр Могила остался ярким противником перебежчиков в лагерь последователей Брестской унии.

Как бы то ни было, но учеба в Львовской братской школе подошла к концу, и не имевший материальных затруднений юноша отправился в путешествие по Европе, отринув, однако, примитивную роль обычного созерцателя.¹²

Доверимся одной из первых биографий П. Могилы, где говорится о европейских университетах, в которых посещал лекции молдавский дворянин. Познания его были столь обширны, а вера в Бога столь неподдельна, что пути Господни привели его к человеку, которого он обожествлял и считал своим духовником. Человеком тем был не кто иной, как митрополит Киевский Иов Борецкий. По некоторым свидетельствам, в 1625 году Петр Могила был пострижен в монахи. Будущий владыка в собственноручных записках писал, что «вступил в христианское житие, кое есть совершенство... тяжким полувером и железным лангузом стискал и умерщвлял свое тело».

Митрополит Киевский Иов Борецкий, мудрец и философ, слыл человеком весьма осторожным, по скольку карающий меч католицизма неизменно напоминал о том, кто в духовном доме хозяин. Православная церковь на Украине официальной Варшавой никогда не признавалась и под натиском униатов шаг за шагом сдавала позиции. Единственным непоколебимым оплотом православия оставалась Киево-Печерская лавра. В одной из ее келий и обосновался брат Петр, имя которого в переводе с греческого – «камень» – соответствовало и его облику, и целеустремленности.

«Вода камень точит», говорится в народе. Монах Петр постигал не только премудрость Божию, но и по крупицам собирал силы и людей, способных противостоять чуждой вере и схоластике. Первой значительной победой Петра Могилы стало признание его монашеской братией в качестве духовного лидера. В 1628 году он был избран Киево-Печерским архимандритом.¹³

Уникальность положения, в котором пребывала одна из древнейших на Руси православных обителей, заключалась в том, что ее настоятель непосредственно подчинялся патриарху Константинопольскому и мог беспрепятственно осуществлять многие из своих задумок.

Перед уходом в мир иной митрополит Киевский Иов назначил Петра Могилу своим душеприказчиком и завещал сокровищницу, богатую библиотеку, которую он и его предшественники собирали по всей Европе.

На посту верховного пастыря Украины Иова (Борецкого) сменил человек, угодный Польше, приверженец Унии митрополит Исайя (Копинский). И вот тут-то, как говорится, нашла коса на камень. Пользуясь своей относительной самостоятельностью, Петр Могила, в противовес киевской братской школе, которая находилась в митрополичьей юрисдикции, создал при Лавре высшее училище «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках».

В июне 1631 года Петр Могила писал: «Я, милостию Божею Архимандрит Киевопечерский, видя великую потерю для душ человеческих от неучености духовенства и необучения юношества, и желая, при благодати и помощи Божией, по собственной моей воле, предотвратить столь великую потерю, а также приобрести удалившихся от Православия, вознамерился основать школу для того, чтобы юношество наставляемо было во всяком благочестии, в добрых нравах и в свободных науках, и сие не для какой-либо пользы или славы моей, но во славу и честь Живоначальной, Нераздельной Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа, в пользу и утешение правоверного народа».

---

¹² П. Могила принимал участие в кровопролитных Цецорском и Хотинском сражениях 1621 года.

¹³ По некоторым сведениям, посвящение произошло в 1629 году.

Что тут сотворилось! Митрополит метал громы и молнии, а братчики тем временем смекнули, что объединение с могилянцами сулит им немалые выгоды, поскольку в названии училища фигурировало слово «высшее», да и патриарший патронаж позволял смело глядеть в будущее. Но увы, сколько ни бился Петр Могила, чтобы его детище именовалось Академией, ничего из этого не вышло. Однако от этого значение учебного заведения в духовной жизни Малой и Белой Руси, а впоследствии и России отнюдь не уменьшилось, наоборот, училище приобрело известность и притягательность, поколебать которую не смогли ни войны, ни всевозможные бедствия.

Из знаковых событий, которые произошли до того момента, когда перед отроком Самуилом распахнулись двери Киево-Могилянских Афин, можно отметить следующие. В 1632 году король Польский Владислав IV даровал православной церкви Украины равенство с униатской. Выхлопотал сие Петр Могила, который представлял в польском сейме делегацию Киева и, как мы помним, имел влиятельную родню в Варшаве. Последствия такого акта сказались незамедлительно.

Противник киево-печерского архимандрита митрополит Исаяя (Копинский) был лишен сана, вслед ему лишились епископских кафедр многие из приверженцев Унии, православной церкви был возвращен Софийский собор и большая часть монастырей, захваченных униатами.

В 1633 году во Львове состоялась церемония возведения в сан митрополита Киевского Петра Могилы. К чести владыки, ни монахов Лавры, ни своих питомцев-могилянцев он не покинул. По прошествии многих лет, уже пребывая в Москве, Симеон Полоцкий собрал прекрасную библиотеку, в которой книги его духовного наставника Петра Могилы находились на самом видном месте.

Различны книги нам суть Богом предложены,
да благонравно жити будем наученни.
Первая книга – мир сей, в ней же написася,
что либо от всемогшна Господа создася.
То же мы писание в то время читаем,
егда от твари Творца силу познаваем.
И егда, строение всяческих видяще,
величаем строяща, премудрость хваляще.

В 1616 году тогдашний архимандрит Лавры Елисей Плетенецкий приобрел типографию. В предисловии к первой книге было помещено такое обращение к читателям: «Молите же Бога, в Троице Единого, да поспешите же умыслихом, типарским делом угодите Церквам Православным». Вот оно, заповедное правило, которое твердо усвоил учень Самуил со скамьи Киево-Могилянской коллегии!

Ему несказанно повезло. Более половины срока обучения митрополит и основатель Киевских Афин владыко Петр Могила, невзирая на чрезмерную занятость, неизменно открывал начало учебного года.

«Отчего православные, в духе и во плоти преимущество имеющие, в спорах божественных со латинянами и последователями Унии беспомощны?» – вопрошал владыко и сам же отвечал: «Да оттого они не имеют успеха, что противники печатью ревности горячей отмечены и умением пустословить. И пока слово их иезуитское, схоластическое торжествует, многие беды и лишения люд православный претерпевать будет».

Богословие (теология), риторика, философия – вот столпы, на которые должно опираться образование, и чтобы получить его, учащиеся должны не жалеть ни силы, ни времени.

«Старшим братом» до последних дней жизни¹⁴ величали питомцы Киево-Могилянской коллегии ее основателя и наставника. Петр Могила оставил по себе не только завидное эпистолярное наследие¹⁵, но и завещал свою богатую библиотеку питомцам, пожертвовал в их пользу землю, а также значительную сумму денег. Но самое главное, владыко сумел настоять на индивидуальном подходе к зачислению желающих обучаться в коллегии и закрепил правило, чтобы поступавшие в старшие классы имели рекомендации, устные или письменные. Дидаскалов-выпускников коллегии можно было встретить в братских школах Малой и Белой Руси и России.

Ко времени начала учебы Самуила Ситняновича в коллегии прочно утвердилась организационная структура и устав, который закрепил всеословность как господствующий принцип приема студентов и отнюдь не грешил мелочностью и придирчивостью к отрокам.

Во главе коллегии стоял ректор. В 1642 году Петр Могила сделал свой выбор. Место Игнатия Оксеновича-Старушича, «мужа многоумного и [к сожалению] многоболезненного», владыко предложил занять Иосифу Кононовичу-Горбацкому¹⁶, «добре подвизавшемуся о учении в [различных] школах». Церковные документы свидетельствуют: ректор Киево-Могилянской коллегии был «муж по истине достойный удивления и всякими мудростями и знаниями украшенный». На ректорстве И. Кононович-Горбацкий пребывал четыре года и передал бразды правления Иннокентию Гизелю, который до конца жизни именовался «благодетелем и покровителем киевских школ».

Об И. Гизеле святитель Димитрий Ростовский писал: «Много [он] студентов в цветущей младости вразумил и искусных в книжной премудрости показал». То, что в их число входил и Самуил Ситнянович, сомнению не подлежит.

Правой рукой ректора являлся префект. До 1647 года эту должность справлял Сильвестр Косов, который чутко держал руку на пульсе учебного процесса, зорко следил за твердым выполнением программ в младших и старших классах.

По образованности и по знанию своего предмета, риторики, Сильвестру Косову не было равных. И не случайно, что он стал первым на Украине доктором богословия, а затем и ректором Киево-Могилянской коллегии.¹⁷

Родоначальником славянской филологии называли Мелетия Смотрицкого¹⁸, по «Грамматике словенския» которого обучалось не одно поколение молодежи Малой и Белой Руси и России.

В дошедших до нашего времени источниках рядом с именами Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского, Варлаама Лашевского неизменно употребляется словосочетание «известные эллинисты».

Утвердительно можно сказать, что на греческом языке Симеон Полоцкий не писал и не оставил после себя каких-либо сочинений, однако сие не означает, что язык Гомера, Пиндара, Платона, Сократа, Аристотеля, Демосфена, Еврипида был ему чужд. Стихи и драматические произведения Симеона Полоцкого изобилуют примерами, заимствованиями из истории Древней Эллады, именами ее героев. Это воочию доказывает, что труды преподавателей-эллинистов не прошли бесследно. Да ведь иначе и не могло быть! Переводы с греческого языка являлись обязательными для студентов. Ко всему, древнегреческая мифология,

¹⁴ П. Могила скончался в 1645 году.

¹⁵ До наших дней дошли сочинения: «Евангелие учительное» (1616); «Анфологион» (душеполезные молитвы и поучения) (1636); «Евхологион», требник (1646); «Катехизис» (1662).

¹⁶ С 1650 года епископ Мстиславский, Оршанский и Могилевский. Автор сочинения «Синописис или краткое описание о начале славянского народа и о первых киевских князьях до государя Федора Алексеевича».

¹⁷ В 1647 году С. Косов был возведен в сан митрополита Киевского. Яркий противник не только воссоединения Украины с Россией, но и Брестской унии.

¹⁸ В 1620 году М. Смотрицкий стал архиепископом Полоцким. Скончался в 1633 году.

которая преподавалась в училище «с нарочитой обширностью и с малейшими подробностями», стояла среди предметов обучения в особом ряду.

Авторитет философского учения Аристотеля оказался настолько устойчивым, что с несущественными изменениями оно кочевало из века в век, покуда не дошло до учебных заведений Польши, не миновав Киево-Могилянскую коллегию. Логике, физике и метафизике предшествовали азы диалектики, которая, однако, грешила элементарной схоластикой. Попытки соединить учение Аристотеля с догматами веры выражались в бесконечных диспутах о способах толкования различных философских и богословских точек зрения. Диспут являл собой арену, на которой оттачивались приемы полемики, умение твердо отстаивать свою позицию и доказательно опровергать возражения. Наукой этой Симеон Полоцкий овладел в совершенстве.

Официальным языком законодательства, управления, судопроизводства, дипломатов и ученых, языком, на котором велись богословские диспуты, являлась в ту пору в Европе латынь. Киево-Могилянскую коллегию недруги и злопыхатели называли «очагом культурной схизмы». Между тем Иван Ужевич изрядно потрудились над учебником «Словенския грамматики», сотворив ее на латинском языке, и тем самым изрядно облегчил могилянцам изучение латыни. На языке Вергилия и Петрарки Самуил Ситнянович говорил свободно, отменно писал богословские трактаты, а в более позднее время – стихи.

А теперь заглянем в учебные классы коллегии. В аудиториях яблоку негде было упасть, количество братчиков, т. е. учеников младших классов, и студентов, учеников старших классов, превышало порой тысячу человек. И никакие потуги педагогов были бы не в состоянии удержать в богобоязненной узде отроков, если бы суперинтенданту, который отвечал за поведение, не помогали бы магистры, инспекторы и цензоры, которые выбирались из студентов.

Учителей младших классов величали на греческий манер дидаскалами, старших классов – профессорами. Демократичность учебного заведения, претендовавшего на звание академии, выражалась в отсутствии строгого деления на факультеты¹⁹, да и сама программа порой либо дополнялась, либо из нее исчезали второстепенные предметы.

Хотя один из заезжих иностранцев и утверждал, что «выше такого образования вряд ли могло что-нибудь быть в европейских тогдашних училищах», получить ученую степень в коллегии не представлялось возможным, поскольку статуса, равного Краковской или Виленской, она не имела. Более того, в королевстве Польском Киево-Могилянская коллегия находилась на правах пасынка.²⁰ «Забрало православия», коллегия на протяжении многих лет вынуждена была вести непримиримую борьбу не только за свой статус, но и за свободу вероисповедания.

Время обучения Самуила Ситняновича в Киеве совпало с освободительной войной, которую возглавлял гетман Богдан Хмельницкий. Без сомнения, полочанину запомнилась не только торжественная встреча, которую устроили киевляне победителям²¹, но и участие в декламации, подготовленной по такому случаю. Львовянин В. Мясковский, оказавшийся волею случая в Киеве, записал в дневнике: «Весь народ, вышедший из города, вся беднота приветствовала его (Б. Хмельницкого. – Б. К.). Академия приветствовала его речами и восклицаниями, как Моисея». Ничего удивительного в том не было. Гетман Войска Запорожского образование получил в Киевской братской школе и навсегда сохранил привязанность к *alma mater*.

---

¹⁹ Имелось два высших класса – философский и богословский.

²⁰ В тексте Зборовского договора (1649) говорилось: «Коллегия Киевская должна оставаться на прежних правах, согласно старинным привилегиям».

²¹ Победа под Замостьем в конце 1648 года.

В годину кровавых войн, потрясавших юго-западную Россию, он являлся и благодетелем, и покровителем коллегии.²²

«Поистине удивительно, – замечал один из первых бытописателей училища В. Аскоченский, – всё вокруг волновалось и кипело, а в стенах богоявленского братства была тишина и спокойствие, да слышался голос педагога...» На самом деле такая идиллия была обманчивой. «Буйные враги веры православной» и «надменные ляхи» вновь ополчились на училище, и только подписанный Б. Хмельницким 7 сентября 1649 года знаменитый Зборовский договор разорвал довлевшие над Малой Русью путы насилия и духовного рабства. Могилянцы наконец-то могли вздохнуть с облегчением.

Польский язык давался Симеону легко. Еще на студенческой скамье он обратился к образу Богородицы, посвятив ей «Акафист пресвятой Деве, виршами переложенный в 1648 году мною, Петровским-Ситняновичем». Под заголовком уточнение: «Способ и порядок чтения его обыкновенный». Акафист, как известно, славословие, или церковная песнь, обращенная к Богу, Деве Марии или святым.

Чувства Симеона неподдельны, искренни, мысль и слова отточены, композиция акафиста выстроена в лучших церковных традициях. Творение Симеона преисполнено гармонии, и даже ссылки на первоисточник²³, Библию, Псалтырь не отягощают текст, а лишь доказывают, что перед нами оригинальный автор, православный христианин, осененный божественным вдохновением.

Радуйся, Дева, чистоты сокровищница,
Благодаря которой мы восстали от наших беззаконий.
Радуйся, сладкая лилия благоухающая,
Верных жилище благоуханием радующая.

Нам остается только сожалеть, что нотная запись «Акафиста» не сохранилась.

В 1649 году, когда обучение в Киево-Могилянской коллегии уже подходило к завершению, Самуил Ситнянович стал свидетелем посещения ее Иерусалимским патриархом Паисием. В честь его святейшества звучали здравицы и декламации, студенты высших классов блистали познаниями в премудрости православной. Услышать из уст патриарха похвалу и получить благословение на путь истинный – это ли не высшая награда?

Завершая повествование о годах учебы Самуила Ситняновича в Киево-Могилянской коллегии, мы поведаем о его безграничной увлеченности театром. Студенты-могилянцы вдохновенно лицедействовали в интермедиях, театральных декламациях, соперничали в сочинении виршей, но всё это меркло перед таинством подготовки к спектаклю. Поражает изобретательность доморожденных актеров в изготовлении костюмов и декораций, находчивость в поиске сценического решения драмы или комедии, в музыкальном сопровождении спектаклей. Вот где был простор для фантазии!

На сцене чудодействовала великая сила искусства, на ней происходило подлинное творческое преображение и раскрепощение отроков, для многих из которых театр на всю жизнь остался насущным духовным хлебом.

В 1650 году Самуил Ситнянович в звании дидака закончил курс обучения в Киево-Могилянских Афинах, по окончании которых не получил ни диплома, ни официального свидетельства. В то время такие документы в Коллегии не выдавались никому.

---

²² В число таковых входил и гетман Петр Конашевич-Сагайдачный (принял иноческий сан, прах его покоится в земле коллегии).

²³ Акафист Пресвятой Богородице, ок. 625 года.

Глава III. В логове иезуитов

*Правда так сильна, что даже если
небо поменяется местами
С землею, а она вовеки не исчезнет.*

Симеон Полоцкий

Просуществовав без малого два века, Великое княжество Литовское рухнуло под натиском военной мощи Речи Посполитой, а его духовный разгром совершил польский король Стефан Баторий, который к известному выражению шляхты «Огнём и мечом» присовокупил и проповедь истинной веры. Надо отдать должное энергии последователей Игнатия Лойолы. Шли они в гущу православных не с пустыми руками, а имея в своем арсенале более сотни популярных печатных изданий, в которых красочно расписывались блага греко-католической веры.

Так, например, известный польский иезуит Петр Скарга²⁴ в своей книге «Об единстве церкви Божией» (1577) утверждал, что «Великий князь Киевский Владимир принял Христианство, когда патриарх Константинопольский Игнат²⁵ был в содружестве с Римом, и следовательно, все последующие православные иерархи не иначе как отступники и достойны преданию анафеме».

Иезуиты деятельно принялись засеивать православное христианское поле чертополохами схоластики, вселяя в души нестойких сомнения и постепенно прибирая к рукам образование в Белой Руси и Литве.

В 1569 году в бывшем стольном граде Великого княжества Литовского высадился первый «десант» иезуитов, который, по благословению Стефана Батория, возглавил уже упоминавшийся Петр Скарга. Его титаническими усилиями атмосфера веротерпимости, существовавшая в Литве и Белой Руси, была окончательно разрушена. Действуя где подкупом, а где и шантажом, Скарга стал переманивать на свою сторону православное духовенство, а затем основал коллегию, где намеревался внедрить в сознание отпрысков-схизматиков презрение к отчей вере.

Ровно через десять лет иезуитская коллегия была преобразована в Академию. Папа Григорий XIII внял просьбам польского короля Стефана Батория, утвердил ее устав и уравнял в правах с Краковской. Петр Скарга стал первым ректором и без обиняков заявил во всеуслышание: «В русской церкви порядка отродясь не было и быть не может. Язык славянский – неблагозвучен и только при знании латинского и греческого языка можно обрести крепость истинной веры и обширные научные знания».

И если в принципах утверждения единоверия на огромном и разноязыком пространстве Речи Посполитой Стефан Баторий и Петр Скарга являлись единомышленниками, то подходы их к вопросу первостепенства церкви были различны. Король и ректор Виленской академии лелеяли мечту о полном подчинении православной церкви папе Римскому, с тем чтобы митрополиты Киевский и Московский получали благословение в Вечном городе.

...Рисковым человеком был Самуил Ситнянович, и вот почему. Ему бы, по-хорошему, как это делали многие, остановиться, ведь почетное звание дидака сулило безбедную

---

²⁴ Светское имя Петр Повенский.

²⁵ Явная ошибка. В годы Крещения Руси патриархом Константинопольским являлся Николай II Хрисоверг (984–995). – Прим. авт.

жизнь, а продолжение учебы – вовсе не пироги и пышки. Мы можем лишь догадываться о тех тревожных думах, которые одолевали выпускника Киево-Могилянской коллегии. Продолжить образование он мог либо в Кракове, либо в Вильно. «Больше разумом, чем силой» – красовалась надпись на латыни над дверью, которая вела в академические библиотеки Кракова и Вильно.

Человеческий разум и сердце всегда пребывают в противоречии между собой. Душой и сердцем Самуил Ситнянович сознавал, что переходом в униатство он, возможно, навлекает на себя кары земные и небесные, презрение тех, с кем шел от ступени к ступени к познанию истины. Но разум подсказывал: отступничество от православной веры временное, вынужденное и продиктовано оно прежде всего желанием совершенства – и ничем иным. Однако от прижизненного ярлыка «униата суца римского костела», навешенного ему Евфимием, иеромонахом Чудова монастыря, и отзыва заезжего иностранца Рейтенфельса как о человеке, «пропитанном латинской ученостью», Симеон Полоцкий не мог откреститься до конца своих земных дней.

Мы обращаемся к одной важной детали жития Симеона Полоцкого, которая, возможно, сказала на его выборе. Трудно, да и невозможно судить, каким образом оказался его родной брат Иоанн в стольном граде Великого княжества Литовского, но существует подлинное свидетельство самого Симеона о том, что его родственник поступил на службу к царю Алексею Михайловичу «из города Вильно». Родная душа в незнакомом городе с чуждой атмосферой – разве это не подарок судьбы?

Примеров перехода в униатство известных политических и культурных деятелей Малой и Белой Руси множество. Кому-то из них, как, например, Мелетию Смотрицкому, получившему благословение от самого папы, казалось, что экуменизм – действенное средство к поиску богословского примирения, и более того, верный путь к прекращению гонения на православных.

Яко и человеци тожь имут страдати
от анафемы правы безплодни бывают,
ибо нечто достойно жизни содевают.

Притчей во языцех стали экслибрисы Симеона Полоцкого на некоторых книгах, хранившихся в его библиотеке. Прочтем одну из надписей, сделанную рукой православного монаха Симеона. «Сочинение Иеронима Стридонского»²⁶, том 5 (1553). Надпись гласит: «Из книг Симеона Петровского-Ситняновича, полоцкого иеромонаха ордена святого Василия Великого. Лета Господня 1670, 26 августа в Москве»²⁷.

Чем она ценна для нас? Прежде всего тем, что достаточно точно определяет место вступления Самуила Ситняновича в униатский орден базилиан – Полоцк. Немаловажно в экслибрисе упоминание сана – иеромонах, то есть монах-священник. Сразу же возникает сомнение: да появись Самуил хотя бы однажды на людях в монашеской рясе, прислуживая на богослужениях униатов, – ему бы в родном городе несдобровать. Примером тому может служить судьба И. Кунцевича²⁸, архиепископа Полоцкого, которого разъяренные витебчане в 1623 году скинули в Двину. Ясно как Божий день, что посвящение Самуила Ситняновича в монахи ордена Василия Великого свершилось в глубокой тайне, которой суждено было открыться через многие лета, уже после кончины Симеона Полоцкого.

²⁶ Полное имя – Евсевий Софроний Иероним (342–419) – церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии.

²⁷ Надпись сделана на латыни.

²⁸ Причислен католической церковью к лику святых.

Если внимательно присмотреться, то выяснится: в самом названии монашеского ордена базилиан сокрыто двойное дно. Святитель Василий Великий, чье житие проходило между 329 и 379 годами, естественно, ни к католикам, ни к униатам не мог принадлежать. Архиепископ Каппадокийский, один из отцов христианства, плодовитый богослов и подлинный подвижник в обустройстве церкви и ее обрядов «по византийскому (!) образцу», вложил в свое учение всю душу и разум.

Вероятно, имя святителя, ничем не запятнавшего себя в отступничестве от учения Христа, во многом повлияло на решение Самуила Ситняновича перейти в униатство. Однако без такого шага, предосудительного в прошлом и в глазах грядущих поколений, двери Виленской иезуитской академии были бы для него наглухо закрыты.

Существует и еще одно весомое подтверждение тому, что Самуил Ситнянович основательно готовился к продолжению образования. Польский язык в Киево-Могилянской коллегии не изучался, однако до прибытия в Вильно он самостоятельно выучил язык Речи Посполитой, на котором впоследствии создал немало замечательных поэтических опусов.

Жизнь, царившая в Вильно, во многом отличалась от размеренной и неспешной жизни Киева, где иноземный диктат ощущался не столь болезненно и где богословские споры не заканчивались взаимными оскорблениями и мордобоем. На глазах студента Ситняновича такое творилось!

Иезуиты, пользуясь покровительством властителей Польши и располагая огромными средствами, прибрали к рукам целые кварталы в Вильно, а за пределами города обзавелись обширными земельными владениями. Оголтелая экспансия вызывала зависть у их кровных противников – лютеран и православных. Обратимся к работе Ю. Крачковского «Старая Вильна». «Черная гвардия Ватикана не брезговала ничем... Борьба, драки на улицах, вооруженные нападения на дома противников (иезуитов. – Б. К.) совершались почти ежедневно. Более того, зачинщиками инцидентов зачастую выступали либо бурсаки, либо студенты Академии, которых науськивали на это наставники».

Во время обучения Симеона Полоцкого в Вильно иезуитская академия²⁹ располагала двумя факультетами: гражданского права (юридический) и каноническим (богословским). Полочанин выбрал последний. Чудом до нас дошли конспекты³⁰ Самуила Ситняновича, написанные на латыни, по которым мы можем судить, как происходило становление будущего философа и просветителя и какие мысли почерпнул он у тогдашних светил науки. Назовем их: *Почтенного отца Казимира Колловича «Богословские рассуждения», Почтенного отца Залусского «Рассуждения Фомы Аквинского», Почтенного отца Ладислава Рудзьинского «Пolemическое богословие».*

В проведении пышных празднеств и христианских торжеств ни одна из конфессий Вильно соперничать с иезуитской академией не могла. Это была целая наука, где театральность и мощь голосовых связок студентов имели воздействие на толпу более, нежели увещания и проповеди. Такие уроки для будущего придворного пиита, как мы увидим далее, даром не прошли.

К одной из самых загадочных страниц в биографии Симеона Полоцкого уводит его фраза, с намеком на то, что он сподобился «странных идиомат... вертограды видите, посетите...» Вероятнее всего, некое путешествие по Европе Самуил Ситнянович совершил в годы учебы в Виленской иезуитской академии, у которой были тесные связи с западным ученым миром и аналогичными учебными заведениями. Самуил Ситнянович, без сомнения, умевший внимать и глубоко вникать в услышанное и увиденное, умел преподнести себя

²⁹ В 1659 году в академии обучалось 700 студентов, а преподавание вели 84 профессора.

³⁰ ЦАГДА. Ф. 381 (Собрание библиотеки Синодальной типографии). № 1791.

человеком неординарным, мыслящим широко и перспективно. Не исключено, что он слушал лекции и участвовал в диспутах, о которых предпочел умолчать.

Не собственный ли опыт заграничного путешествия отображают строки одного из стихотворений Симеона Полоцкого?

Добро есть...
Чуждые страны с умом посещати,
Но то удобно таковым творити,
Иже начата славно в дому жити.

Глава IV. У истоков признания

*Милость истинна в тебе ствердзастася
Ы правда з миром облобызастася.
Вера, Надежда, Любы в огне здися,
Щедрыя ту мудрость, простость вкренися.*

Симеон Полоцкий

Рождество Христово и наступление 1655 года царь Алексей Михайлович встречал в Вязьме, где намеревался пережить моровое поветрие, не миновавшее и Москву. На некоторое время этот русский город стал штабом, где планировались военные кампании 1655 и 1656 годов.

«Пойдем против польского короля», – уведомляет Алексей Михайлович князя Черкасского, а «избранному голове нашему» боярину Матвееву сообщал: «Посланник приходил от шведского Карла³¹, короля, хотя душный человек, мы великий государь, в десять лет видим такого глупца посланника. А прислан нароком такой глупец для проведования... будем ли [мы] в любви с королями?»

Вот ведь в какой клубок сплетались политические страсти, которые со своими сподвижниками намеревался распутать российский монарх. И одна из нитей этого клубка в конечном итоге привела царя в Полоцк.

...«Досаден» был Полоцк и полякам, и шведам, поскольку стоял на Двине, у устья впадения которой в Балтийское море располагалась крепость Рига. Ни миновать город, ни обойти. Итоги кампании 1655 года против Польши были впечатляющи. Россия вновь обрела Смоленск, а затем русские воеводы последовательно овладели Свислочью, Кайданами, Велижем, Минском, Ковно, Гродно, Пинском...³² «Даровал Бог великому государю нашему взять у его королевского величества³³ всю Белую Русь и стольный город Вильну, и государь наш учинился на всей Белой России, и на Великом княжестве Литовском, и на Волыни, и на Подолии великим государем», гласит один из документов.

Когда писались процитированные выше строки, в столице Швеции решался злободневный вопрос: с кем начать войну – с Польшей или с Россией? Король Карл X Густав, согласно поговорке «С паршивой овцы хоть шерсти клок», принял решение сразиться с обескровленной Речью Посполитой. С Алексеем Михайловичем король вступил в бесплодную переписку и получил отповедь: мол, вот Бог, а вот порог (т. е. завоевания русского оружия), за который король шведский не должен переступать, если желает остаться в мире с Москвою.

«Гладко было на бумаге...», если бы Януш Радзивилл³⁴, признав после падения Вильны верховенство России, не переметнулся к шведам, а те, используя благоприятную обстановку, вторглись в Великое княжество Литовское, и треть русских завоеваний³⁵ оказалась под пятой скандинавских конкистадоров. Ко всему прочему, в руки доверенных лиц царя Алексея Михайловича попали копии документов сепаратных соглашений Швеции и Польши о совместных действиях против России.

³¹ Карл X Густав. – *Прим. авт.*

³² Всего было взято более 200 городов!

³³ Король Польши Ян Казимир. – *Прим. авт.*

³⁴ Януш Радзивилл (1612–1655) – государственный и военный деятель Великого княжества Литовского, воевода виленский (1653–1655), великий гетман литовский (1654–1655).

³⁵ Города Друя, Дрисса, Глубокое. Последние два стоят в 90 верстах от Полоцка.

«Многие неправды», чинимые шведами в отношении государства Российского, подвигли Алексея Михайловича вновь прибегнуть к силе оружия. Не суть, как называют ту войну, русско-шведской или ливонской, но, забегая вперед, скажем, что ход ее сложился неудачно. И вовсе не потому, что Алексей Михайлович почивал на лаврах и относился к неприятелю пренебрежительно. Русское войско изрядно устало от бесконечных баталий и было разбросано на огромном пространстве.

5 июля 1656 года царь в сопровождении большой свиты въехал в Полоцк. Горожане встречали его возле Борисоглебского монастыря. Игнатий Иевлиевич произносил приветствие вдохновенно и с явным волнением:

«Мы же у нас ныне, видяще пресветлое лице Твоего Царского величества во граде сем, прежде ни от ково же никогда же zde зримое, что речем?.. Яко [з]елень желает на источники водные, сице Россия от многа времени желает Тебе солнца праведного, свет истинной веры возсияюще... Мы же рабы Твои зело радуемся о силе, Тебе свыше данной, молим Бога в Троице Святой единого... глаголяще: Господи спаси Царя... и даруй ему до конца победу на враги и супостаты».

Иезуиты, униаты и прочая католическая братия, словно крысы, спрятались в свои щели, а вот люд православный полоцкий высыпал на соборную площадь.

Еще бы! В кои-то веки самодержца российского вот так запросто еще придется выдывать.

Затих многоголосый колокольный перезвон. И хор, состоящий из монахов и братчиков, грянул здравицу: «Многия лета».

Торжественная встреча льстила самолюбию Алексея Михайловича, но полной неожиданностью для него стало похвальное слово. Глаголил его дородный монах. У царя невольно появились на глазах слезы.

Царю всех веков и творче всего света,
Нашему царю пошли многие лета!

Первые строфы подхватили отроки:

Витаем тя православный царю праведное солнце,
Здавна бо век прогнули тебе души наши и сердце.
Витаем же царю от Востока к нам пришедшего,
Белорусский народ же от нужды свободившего.

Мы оставляем за пределами нашего повествования, когда и при каких обстоятельствах впервые появилось словосочетание «Белая Русь», однако и пройти мимо многообразия исторических мерок было бы несправедливо.

В 1910 году в Вильно вышла книга В. Ю. Ластовского «Кароткая гісторыя Беларусі», которая началась, как полагал автор, «ад першых часоў да уцёку Полацкіх князёў у Літву (1129 год)»³⁶. К моменту прибытия царя Алексея Михайловича, т. е. более чем через пять веков с обозначенного действия, в глазах автора русско-белорусское кровное братство выглядело так: «Тем временем ближайшее знакомство (русского царя и его окружения. – Б. К.) показало всю разницу родных, однако несхожих от веков культур, белорусской и московской. При этом стало ясно, что белорусы и москвичи разнятся во всем, даже в самой вере православной. Для Москвы белорусы не были русским народом, а только „Литвой“... и что

---

³⁶ От первых времён до бегства полоцких князей в Литву (бел.).

сотворила белорусская культурная работа, что было своим для белорусов, москвичи считали литовским или польским, „латинствующим” – не русским».

В действительности в Полоцке, который находился в приграничье и не единожды становился яблоком раздора между Польшей и Россией, существовало довольно-таки пестрое смешение культур и верований. Простой человек, оказавшийся в тенетах такого бытия, пребывал в растерянности и стоял перед непростым выбором, к кому примкнуть: к униатам, доминиканцам, базилианам или православным.

Твердыни православия в Полоцке – Спасо-Евфросиньевский женский монастырь, Бельчицкий мужской монастырь, Богоявленский мужской монастырь – подвергались оголтелому натиску со всех сторон, и потому появление в Братской школе дидаскала Симеона создало небывалый прецедент. В схоластических спорах с иноверцами пальма первенства неизменно доставалась наставнику братчиков, а уж когда звучали его вирши и декламации, слушатели испытывали неизменный восторг.

Десять дней длилось пребывание царя Алексея Михайловича в Полоцке. Набожный и «Тишайший» царь любил задушевную беседу, рассказы богомольцев, да и сам был не лишен поэтического дара. Но тут его поджидал сюрприз. Театрализованное действо, сценарий и стихи к которому написал монах Симеон, называлось «Метры на пришествие во град отчистый Полоцк пресветлого благочестивого и христоролюбивого государя царя и великого князя Алексия Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцы из иных царств, и князств, и государств обладателя от отроков, знайдующихся во училище при церкви святых Богоявленных монастыря брацкого полоцкого мовеные при привитаню пресветлого его царского величества. А наготованные през господинов отцов и братию тоеиж святой обители в лето от создания Мира 7164, а от воплощения Божьего слова 1656 месяца июля, 5 дня». В этом году в титуле российского монарха появились поименования «государя Полоцкого и Мстиславского».

Итак, о самом представлении, которое по своей композиции, эмоциональности и вдохновению исполнителей оказало на царя самое благодное впечатление. Для Симеона это был серьезный экзамен, и отроки, коих число было двенадцать, не подвели своего учителя и рачтчали похвалы российскому самодержцу в рифмах, разбередивших его душу.

Первый отрок глаголил:

Веселися, о царю пресветлый з востока,
Россом светячий светом от бозкаго ока.

Второй отрок подхватывал:

Светися днесь, светися, церкви восточная,
Кгды ж дана ей отрада с небес медоточная.

Симеон разделил похвалу на три части. Первая, можно сказать, была ударная, завораживающая, со здравицами на земное долголетие монарха и пожеланиями крепости российского трона. Во второй части отроки поведали Алексею Михайловичу о значимости его деяний:

Ты ны от нужды вражия избавил,
Россию Белу во свете поставил,
Прежде напастей бурей стемнену и оскорблену.
Тобою иго тяжкое зложено,
Трудное бремя от нас отвержено.

«Собра овчата, волком похищенных», – заключали юные братчики исторический экскурс, поскольку «иже от Владимира вел свое царствие Алексей Михайлович», и называли российского монарха вторым Константином, прося благословение на оружие русское.

С тоей победы, иже ти от Бога подастся многа.

Завершалась похвала бойкими строфами, которые чредой подхватывали братчики, доведя патетику действия до апогея.

В «Метрах...» удивительным образом сочетались и восточная изысканность, и витиеватость слога, и библейская премудрость, и человеческие чаяния.

Примы наш хлеб покоры, царю, ты град просит.

О чем помышлял Алексей Михайлович, когда вслушивался в мальчишеские и монашеские голоса, с трепетом и волнением глаголивших славословия? Возможно, ему виделась Москва, многоликая, шумная, где даже на богомолье ругаются по матушке. Возможно, перед ним мелькали напыщенные лица бояр, тугодумных и тяжких на подъем. Да и государственные мужи были хороши! Порой самую разумную мысль в откровенном словоблудии готовы были утопить. «Вот бы такого златоуста да в Москве заиметь!» – размышлял Алексей Михайлович.

...В 1657 году царь и патриарх Никон намеревались посетить Иверский монастырь, что на Новгородской земле. Основатель его, патриарх Никон, в то время крепко связанный узами дружбы с государем, сделал для себя вывод из рассказов Алексея Михайловича о пребывании в Полоцке и повелел: «...Убрать (нарядно одеть) двенадцать монахов... орацию говорить краткую и богословную, и похвальную. Подготовить также двенадцать младенцев для орации...»

Сомнений не должно возникнуть – предыстория таких пышных встреч началась в полоцком Богоявленском монастыре и братской школе.

Глава V. Дидаскал Симеон

*Хотяй с Богом беседу присную держати,
да молится и книги да тицится читати,
Ибо, когда молимся, и глагол наш есть к Богу,
егда чтем. Господь творит к нам беседу многу.*

Симеон Полоцкий

В июле 1655 года война между Речью Посполитой и Московским государством, о невиданном размахе которой говорилось, миновав границы Ливонии, подкатилась под стены Вильно. 28 августа город был взят штурмом русскими войсками, которыми командовал князь Я. К. Черкасский и наказной гетман казачий И. Золотаренко. Как писалось в тогдашних дипломатических бумагах, «Великое княжество Литовское под царскою рукою утвердилось», а относительно положения виленского люда сообщалось, что «государь хочет... держать [его] в своей большой милости и вольностей... нарушить ничем не велит».

Заверения заверениями, но удержать стрельцов и казацкую вольницу от грабежей и насилия удавалось далеко не всегда. Когда в Вильно прибыл Алексей Михайлович с князем Шаховским, назначенным городским воеводой, то, судя по воспоминаниям современников, «Вильна так сильно была разорена войной, что столица Литвы была сравнена почти с землею и не без труда в самой Вильне можно было найти Вильну». Без сомнения, то было явное преувеличение.

Иезуитская академия замерла в томительном ожидании. Занятия на некоторое время прекратились, и у Самуила Ситняновича появился прекрасный повод для того, чтобы прервать учебу. Предположительно, он размышлял так. Ему уже двадцать шесть лет от роду. И не столь большая беда, коли он останется без диплома, задачи, которые он ставил перед собой, поступая в Академию, были решены. К тому же его не оставляли предчувствия о грядущем повороте в судьбе, ведь его родной город Полоцк по воле военного лихолетья оказался в самом эпицентре событий. И, как мы убедились, Самуил Ситнянович оказался провидцем. Распроставшись с Вильно, он отправился в Полоцк в твердой решимости сбросить с себя чуждые вериги, покаяться, принять святое причастие и совершить монашеский постриг. Мысли о житии мирском, повседневных заботах, о хлебе насущном, женитьбе были отброшены навсегда.

Человек, иже мудрость от Бога приняше,
О ней же во юности труды полагаше.
Аще восхочет жену в супружество взяти,
Нужду имать мудрости тщету восприяти.
Ибо не будет мощно с книгами сидети,
Удалит от них жена, удалят и дети.

В дни Великого поста 1656 года на 27 году от рождения Самуил был пострижен в монахи в Полоцком Богоявленском монастыре³⁷ и «егда отрекохся мира, и в ризы черны облекохся» с именем Симеон. Однако само по себе монашество, затворничество, молитвы, укрощение плоти, воздержание в пище, совместные труды с братией – являлись лишь фунда-

---

³⁷ Годом основания Полоцкой братской школы считается 1588-й. В начале XVII столетия здание, где она располагалась, было сожжено униатами.

ментом, на котором строилось неумное желание стать «трудником слова Божьего». В идеале монашество видится Симеону Полоцкому таким:

Монаху подобает в келии сидети,
Во посту молиться, нищету терпети,
Искушения врагов силно побеждати
И похоти плотския трудами умерщвляти, –
Аще хочет в небеси мзду вечную взяти,
Неоскудным богатством преобилувати...

В братской монастырской школе во все времена ощущалась острая нехватка в учителях. Об этом прочтаем в послании патриарха Никона, который повелевал: «Отроков, в Полоцком епископстве пребывающих, учить и направлять, избирая на сие учителей благих, достойных и богобоязненных». Не подлежит сомнению, что монах Симеон отвечал этим требованиям.

...Любой здравомыслящий человек, памятуя о том, что не только на хлебе едином зиждется бытие земное, непременно придет к сознанию необходимости союза с людьми, близкими по помыслам и духу.

Первые православные братства появились в землях Украины и Беларуси во второй половине XVI века в противовес насильно насаждавшимся католичеству и униатству³⁸. Трудно, да и невозможно определить структуру братств, однако в их архаике, в ритуалах, в самих названиях³⁹ был сокрыт незримый протест, который в конечном итоге привел к идее духовного единения православных христиан, необходимости просвещения и образования народов славянских.

Так на слуху мирян появилось словосочетание «братская школа». Устроители братских школ, не мудрствуя лукаво, пошли проторенным путем, благо у тех же иезуитов было чему поучиться. *Trivium* и *quadrivium* – основы обучения. *Тривиум* – это грамматика, риторика, диалектика. *Квадриум* – арифметика, геометрия, музыка (пение), астрономия.

Если внимательно присмотреться к программе преподавания в братских школах, то напрашивается ее сравнение с «семью свободными художествами», которые должны были вывести отроков на путь дальнейшего совершенствования. Прочтем об этом у Симеона Полоцкого⁴⁰:

Хочешь знать, что заключает в себе грамматика:
Врата к мудрости перед тобой открывает.
Подобно страусу, прилепляющему к яйцам взоры,
Вперяй их в книгу с непритворной охотой.

Приятное красноречие в риторике обретаем,
Если, читая, мы слушаем учителей.
Слушая, часто и речи произносим,
Или к речам способности не имеем?

Диалектика достойного Платона
Матерью всех наук справедливо наречена.

---

³⁸ Брестская уния была заключена в 1596 году и привела к расколу православного населения Малой и Белой Руси.

³⁹ Наиболее распространены были так называемые медовые братства.

⁴⁰ «Siedm nauk wyzwalonych» («Семь свободных наук»), подстрочный перевод с польского В. Былинина.

Смысл, мудрость она находит,
Разум просвещает, узлы развязывает.

Арифметика ту мудрость заключает в себе,
Что быстро что угодно сосчитает тебе.⁴¹

Геометрия измеряет, что необходимо –
Величину, высоту до самого неба.

Астрология бег небес отмечает,
По звездам будущее легко определяет.

Из разных голосов приятную мелодию
Учит музыка создавать, а также – симфонию.

Такая традиция уходила своими корнями в VI век. Основоположник ее, средневековый эрудит Флавий Кассиодор определил ее как подготовительную к изучению высших предметов – философии и богословия. Это, как говорится, желаемое. В действительности же Полоцкая братская школа, «от латинян сильно притесненная», в начале учительствования монаха Симеона переживала далеко не лучшее время, и все усилия дидакала сводились к тому, чтобы дать отрокам хотя бы элементарные знания.

В рукописях Симеона Полоцкого сохранился вопросник, составленный им для «малых учней». «Что есть псалтырь?» – вопрошал наставник. Ответ: «Разум». «Что – гусли?» – «Мысли», «Что – струны?» – «Персты», «Что – орган?» – «Гортань», «Что – трубный глас?» – «Пение к Богу» и т. д.

Вот стержень Симеоновой педагогики! Развить у отроков воображение, просветлить их души необходимостью познания слова Божьего, отбросить леность праздную и избавиться от неуверенности в собственных силах. Способ воспитания таких качеств – публичные выступления, орации и декламации виршей, автором которых, как правило, выступал сам Симеон. Отроки старались на славу и вскоре ни одно из церковных или общественных торжеств не обходилось без декламаций, которые глаголили братчики.

Мы обращаемся к теме, которая воочию убеждает, что в своем поэтическом творчестве Симеон Полоцкий не замыкался только на белорусском языке. Скорее всего, его литературная речь – это целый ряд заимствований, слов, форм, оборотов из церковнославянского, польского и латинского языков.

Писах в начале по языку тому,
Иже свойственный бя моему дому.
Таже увидев много пользу быти
Славенскому ся чистому учити...

Уже упоминалось, что небезызвестная «Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала сущим путеводителем в познании русского языка для братчиков, студентов учебных заведений Малороссии и Белоруссии. Учебник во многом помог Симеону освободиться не только от приземленности и провинциализма наречия, бытовавшего на родине, но и от засилья языковых варваризмов, сплошь и рядом употребляемых в Малой Руси. Научился сам – научи

---

⁴¹ Пифагорическая прогностика, которая изучалась в то время, основывалась на спекулятивных магических толкованиях чисел. – *Прим. авт.*

других, «малых» братчиков: этому педагогическому правилу Симеон Полоцкий будет следовать неизменно.

...Год 1656-й оказался знаковым не только в судьбе Симеона, но и в его творчестве. Прибытие русского царя в Полоцк позволило дидакалу Богоявленского монастыря проявить во всем блеске свои ораторские, поэтические и философские способности. Он отчетливо стал сознавать, что ему тесны стены монастыря, а в родном городе, хоть и горячо любимом, он не в состоянии был реализовать ни приобретенные знания, ни свои задумки.

Он мог встретиться с Алексеем Михайловичем в поверженном Вильно – Всевышний отложил эту встречу. Но в том, что Провидение сопутствовало ей, сомнений не имеется. Как мы помним, 15 июля царь во главе войска выступил против шведов и на пути к Риге разгромил гарнизоны неприятеля в Динабурге и Кукейносе, заложив в первом церковь св. Бориса и Глеба, а последний переименовав в «Царевичев Дмитриев город». Неудачная осада Риги продолжалась до начала октября. Царь, огорченный таким непредвиденным ходом событий, вернулся в Полоцк, исходный пункт похода, где намеревался дожидаться результатов переговоров с поляками.

Конечно, монаху Симеону был неведом ход этих переговоров, но слухами, как говорится, земля полнится, и неким образом стало известно, что польская шляхта сватает «на Корону Польскую московского государя и его царское величество». А возможно, об этом обмолвился и сам Алексей Михайлович. Так появилось «Приветствие...».

Веселися, царю, што Бог с тобою,
Будеш владети морем и всею Двиною.

...

Але на прох венец прими лауровы,
А затым небесный будет ти готовый.

В редкий день многомесячного пребывания в Полоцке царь не заглядывал в келью монаха Симеона, где велись душеполезные беседы, в которых прозвучали «Стихи на счастливое возвращение его милости царя из-под Риги».

Побывал Алексей Михайлович и на одной из декламаций, устроенной в его честь учениками братской школы. Отроки и на сей раз не оплошали.

Придеше, вся верный, восплещем руками,
Се Бог Господь показа милость си над нами,
Возврати царя здрава и чесна повсюду,
Стерта врагом их выя горделиву люду.

...

Венц Бог в России, якобы на небе
Маестат вечный зготовал для себе.
Россия завше з Богом пребывает,
Бо на престолах Бога в церквах мает.

Твердо можно сказать, что Симеон был в курсе событий Ливонской войны, об этом говорит и его стихотворение «Приветствие на взятие Дерпта⁴²». Тонкий психолог, монах Симеон остро чувствовал, что неудачный военный поход терзает ум и душу российского самодержца, для которого взятие Дерпта являлось слабым утешением. Но Симеон выстроил декламацию и стихотворение таким образом, чтобы избавить Алексея Михайловича от пора-

---

⁴² Ныне г. Тарту. – *Прим. авт.*

женческого настроения. И следует признать, что это ему удалось. Царь-полководец, представленный в виршах Симеона, вовсе не неудачник, а боец, готовый к новым ратным подвигам. И не только к ним. Симеон зрел в российском самодержце подлинного освободителя, истинного радателя Православия и поборника справедливости и добра.

Симеон напишет еще целый ряд панегирических стихотворений в честь Алексея Михайловича, в которых библейские сюжеты будут соседствовать с заимствованиями из древнегреческой и древнеримской истории. Не резало слух и смешение персонажей из различных эпох и сказаний – напротив, царь дивился обширности познаний монаха Симеона и возможно уже тогда у него зародилась мысль пригласить того в Москву.

Известно, сколь трепетно и нежно Алексей Михайлович относился к своей родне, особенно к сестрам, которым почти регулярно посылал весточки с театра военных действий. Но царица Мария Ильинична, вне всяких сомнений, его самая прочная сердечная привязанность. Алексей Михайлович бесконечно обожал супругу, которая одарила его многими детушками, и неизменно посылал ей гостинцы и подарки. Кто из придворных первым озвучил Марии Ильиничне стихотворение, посвященное ей Симеоном, покрыто тайной. Да и была ли в том надобность? Дело-то сугубо интимное, личное! Вероятно, первым чтецом-декламатором был все-таки сам Алексей Михайлович.

Две Бог светиле велие на небе,
Две созда в Руси, – с государем тебе,
Царице наша, бы мир просвешчати,
Як луна з слонцем светло исправляти.

...
Свет диадимы тебе украшает,
Россия тебе лепотою знает.

Разве кому-нибудь из окружения российского самодержца такое было дано! Образный стих пиита Симеона из Полоцка действовал словно бальзам на душу венценосных супругов и, без сомнения, стихи проторили дорогу не только к их сердцам, но и в самую Первопрестольную. Не остался без внимания и наследник престола царевич Алексей Алексеевич, в котором «надежду все мы полагаем». Симеон умел угождать, и его поэтический дар задолго до прибытия в Москву подготовил благодатную почву.

Алексей Михайлович был наделен от природы завидной наблюдательностью и «встретил в Полоцке формы жизни более утонченные и развитые, чем в Москве».

В беседах до первых петухов, в которых частенько принимал участие настоятель Богоявленского монастыря Игнатий Иевлиевич, выяснилось удручающее положение монастыря и братской школы. Назвать Алексея Михайловича прижимистым не поворачивается язык. От назойливых просьб прихлебателей он либо отмахивался, либо отделялся небольшими подачками. Но на дело святое, христианское царь жертвовал со всей широтой души.

Почти сразу же по возвращению в Москву после длительного похода Алексей Михайлович распорядился: чудотворную икону Богородицы, которая находилась в Богоявленском соборе, доставить в Первопрестольную. По сему случаю Симеон сочинил вирши «Апрель 27. Взенто образ Насвентшэй Богородзицы з Полоцка до Москвы». В поэтических строфах – и боль расставания с иконой, и опасения за драгоценную реликвию, намоленную веками. «Воскую град сей ы его гражданы оставляешь в сиротве, без обраны?» – вопрошает монах Симеон. Но царь был предусмотрителен, и драгоценный для града Полоцка святой образ Богородицы был благополучно доставлен в Москву.

«Собрание грамот относительно Полоцка» свидетельствует, что с этого времени в особенности начинают изливаться многочисленные милости его царского величества на жителей Полоцка и, преимущественно, на братию Богоявленского монастыря.

Прочтем одно из многих писем игумена Игнатия Иевлиевича.

«...В Полоцком уезде над рекой Улою, небольшая отчина никому не отдана... а теми сельцами двоими, да тремя деревеньками ныне владеют Твои государевы окольныхчий и воевода князь Дмитрий Алексеевич Долгоруков, с товарищи. Смилосердствуйся Государь Царь... пожалуй нас нищих своих богомольцев... вели Государь теми сельцами да деревеньками нам владеть... со всякими угодьями». Резолюция Алексея Михайловича от 15 июля 1656 года гласила: «Повелеваю пожаловать те села и деревеньки и отдать в Полоцкий Богоявленский монастырь в отчину».

31 марта 1659 года древний Полоцк, изрядно истосковавшийся по своей реликвии, торжественно встречал икону Богородицы Полоцкой. Изумлению полочан, вышедших навстречу посланцам Москвы, не было предела, когда светлый образ предстал перед их очами. Мартовское солнце заиграло на драгоценных камнях, которыми была усыпана икона. Небесный лик Богоматери излучал благолепие и безмерную радость. Монах Симеон, не сдерживая чувств, молвил слово, за которым восемь отроков произнесли хвалу.

На следующий день в Софийском соборе состоялась торжественная литургия и те же самые отроцата продекламировали вирши дидаскала Симеона, которые были пронизаны молитвенным обращением к Богоматери и неземной радостью о возвращении «в жилище свое».

Воста Соломон с престола своего,
Егда приеде к нему мати его.
Одесную си изволил ей дати
Престол достоин, да почтится мати.
Наш же Соломон царь благочестивый,
Богородицу чтите зело тщивый,
Яко всех матерь, егда образ ея
Узре во граде державы своя...

Торжества прошли, рассеялся аромат ладана, которым, казалось, был окутан весь Полоцк, и жизнь братчиков возвратилась в свое прежнее русло. Нежданно-негаданно после Рождества Христова 1660 года в Богоявленский монастырь нагрянул посланец из Москвы с царским указом, смысл которого был краток: «не мешкая, архимандриту с братией отправиться в дорогу». Царская воля ни в кои веки обжалованию не подлежала.

Мы, однако, не обнаружим в повелении российского самодержца имени монаха Симеона. Скорее всего, гонец, пожаловавший из Москвы, передал на словах личную просьбу Алексея Михайловича, памятливого на людей неординарных.

В своих записках И. Иевлиевич вспоминал об отъезде из Полоцка: «Выехал... с братией и сослужбниками на девяти подводках». Дидаскал Симеон вез с собой двенадцать отроков, которым предстояло выступить с декламациями перед царем и московской знатью.

Глава VI. Столичные смотрины

*Оставив аз отечество, сродных удалился Вашей царской
милости волею вручися.
Симеон Полоцкий*

Как водится на Руси, полочане, помолясь, тронулись в путь. От Полоцка до Москвы верст шестьсот с гаком. Да еще и в январский мороз, а порой и в слякоть. Только вот на непогоду и холода братчики внимания не обращали. С первыми звуками наддужных колокольчиков каждый из них оказался в небывалом водовороте чувств. Ведь ехали не на масляную неделю в Витебск или Лепель, отстоявших в нескольких часах езды от Полоцка, а надолго в Москву, где, сказывали, сорок сороков церквей и где на троне восседает самодержец российский, сердечной доброте которого монастырь был несказанно обязан.

Дорога на Москву была далеко не безопасной. На ней попеременно хозяйничали волки, чье завывание вводило в страх отроков, и разбойники, которых не смущали ни боярские шапки, ни монашеские рясы. С молитвою «Боже, сохрани и обереги!» Игнатий Иевлиевич и монах Симеон с братчиками благополучно добрались до Первопрестольной.

Какой же Москва предстала перед их взорами?

Государев город или Город-государь земли Русской – так величали Москву в описываемое время. Изрядно настрадавшаяся от вражеских набегов, которые не оставляли порой камня на камне, испепеленная огненными стихиями, которые со зловредным постоянством бушевали на улицах и площадях, вдосталь испившая горечь потерь от моровых поветрий, Москва, словно легендарная птица Феникс, восставала из руин и открещивалась от напастей.

Вот они, знаменитые семь холмов, на которых раскинулся столичный град. Им Москва была обязана образным сравнением с Римом. Вот Иван Великий, величественная колокольня и одновременно наблюдательная вышка, вот маковки восьмого чуда света – собора Василия Блаженного. Взгляд скользит по мощным крепостным стенам Кремля. В них бойницы с торчащими жерлами пушек, укрытия – деревянный навес.

Сам Кремль подобен острову. Он – город в городе, в который вели пять ворот. За ними смешение архитектурных стилей, а попросту исконно русский самострой. Рядом с великолепным царским дворцом, Грановитой палатой, патриаршей резиденцией, соборами, приказами – деревянные боярские дворы с живностью и непролазной грязью, приходские и домовые церкви, монастыри.

Когда Симеон Полоцкий уже прочно обосновался в Москве, то даже по прошествии многих лет с трудом ориентировался в этом хитросплетении улиц и переулков.

Москва это огромный людской муравейник. Ударили звучным боем часы на Спасской башне – и город ожил, пришел в движение с невероятным ритмом очередного дня. Вот гулко прошествовал по бревенчатым мостовым отряд дворцовой стражи. Захлопали ставни в Гостином дворе, где иноземцы-купцы наперебой предлагали товары со всего света. Китай-город – московский торговый и богомольный центр. Двадцать церквей мирно соседствовали друг с другом, а на улицах и площадях шел бойкий торг.

Москву в те времена называли и средоточием народной жизни. К этому следует прибавить – и интеллектуальной. Но об этом еще предстоит сказать.

...В феврале 1660 года царь Алексей Михайлович, изрядно утомленный нескончаемой распрей с патриархом Никоном, решил расставить все точки над «i». Собор, созданный по инициативе государя⁴³, должен был избрать нового патриарха Московского и всея

⁴³ Собор открылся 17 февраля 1660 года.

Руси, а самого Никона признать порушителем чести, лишить не только патриаршего сана, но и возможности священнослужения, поскольку Никон оставил патриарший престол «своею волею».

На тот знаменитый собор, который положил начало низложению всесильного пастыря, царь пригласил и многих настоятелей монастырей, близких и дальних. Царскую цидулу и подорожные деньги получил и архимандрит Полоцкого Богоявленского монастыря Игнатий Иевлевич, в острой проницательности ума и широких познаниях которого Алексей Михайлович убедился лично.

О взаимоотношениях российского монарха и патриарха Никона исписаны тысячи страниц, изломано немало перьев. Отгремело эхо жарких споров, в которых пришлось принимать участие и Симеону Полоцкому. И потому поведаем вкратце предысторию разлада между людьми, близкими по духу, по многим мыслям, но не схожими ни в темпераменте, ни в выборе конечной цели.

Когда в Москве восторжествовало самодержавие и укрепилась великокняжеская власть, кафедра русского митрополита, назначаемого константинопольским патриархом, была перенесена в Москву и русского митрополита стали величать Московским. Избирался верховный пастырь на соборе иерархов православной церкви, независимо от патриарха Константинопольского. К сожалению, за многими владыками закрепилось нелестное прозвище «потаковники», то есть раболепные слуги правителя Руси.

Духовная и светская власть с учреждением патриаршества⁴⁴, как показали печальные события Смутного времени, к обоюдному согласию о первостепенстве так и не могли прийти. Один из проклятых русских вопросов об отношении церкви и государства патриархом Никоном был решен однозначно. «Великим государем» величал себя на письме патриарх Московский и всея Руси Никон. Но Великим государем с перечислением всех титулов назывался и царь Алексей Михайлович, твердо убежденный, что не царь для патриарха, а патриарх для царя и Отечества. Инициатива созыва собора исходила, как правило, от царя, который избирал по собственному хотению и церковнослужителей. Случаев, когда на соборе кто-либо присутствовал без особого приглашения, попросту не могло быть. Вот почему монах Симеон на диспуте и процедуре отрешения Никона от патриаршества отсутствовал и обо всем, что происходило в патриарших палатах, узнавал от архимандрита Богоявленского монастыря Игнатия Иевлевича. Однако мы не обнаружим ни в творениях Симеона Полоцкого, ни в его заметках сожаления по сему. В хоромех Алексея Михайловича в Кремле и дворцах столичной знати он и его воспитанники являлись главными действующими лицами. 19 января 1660 года полоцкая братия была представлена Алексею Михайловичу. Вновь, как и в Полоцке, звучали приветствия, глаголил которые Симеон, а затем отроки стали декламировать его вирши.

Небом Россию нареши дерзаю
Ибо планиты в оней обретаю.
Ты солнце; луна Мария царица,
Алексей светла царевич денница.
Его же зари пресветло блистают,
Его бо щастем врази упадают...
Утро денница отыче сияти,
О дне будущем благовествовати.
Во мале даст Бог день пресветлый будет,

---

⁴⁴ В 1589 году.

Если денницы светлости прибудет.
Во многих победах на все страны света,
Точию дай Бог многа ему лета.

Лесть, панегиричность – несомненно. Но отроки глаголили метры своего учителя бойко, вдохновенно. Такого действия в прежние времена в кремлевских палатах не бывало. В ту пору аплодисменты еще не вошли в моду. Одобрительные похлопывания и рукопожатия московской знати были столь несдержанны и сильны, что у Симеона еще долго побаливали плечи и руки. Успех пиита из Полоцка у женской половины был полный. Симеон не обошел вниманием ни дочерей, ни сестер Алексея Михайловича.

Зело Россия в светила богата,
Як звездами небо, сице в ней палата
Царска сияет, царевен лепотами
Звездам подобных всеми добротами.

За первым представлением последовало другое, третье... Сомнительно, чтобы Симеон запасся стихами загодя, написав их еще в Полоцке. Его острый ум с невиданной быстротой реагировал на события, и стихи «по случаю» он сочинил непосредственно в Москве. Так перед Алексеем Михайловичем Симеон выступил с «Диалогом кратким», в котором в вопросах и ответах лесть была фонтаном, превознося до небес правителя России и его близких родственников. Названия стихотворений: «Приветство о новорожденной царевне Марии» и «Диалог краткий о государе царевиче и великом князе Алексее Алексеевиче» говорят сами за себя. Восторг и восхищение переполняли царственную родню. Так было положено начало признания поэтического дарования монаха Симеона из Полоцка в Первопрестольной.

В среде доморощенных московских пиитов отношение к Симеону Полочанину и Игнатию Иевлиевичу было менее восторженным. Справщик Печатного двора Савватий, который пробовал свои силы в сочинительстве, называл «киевских старцев» «заезжими нехаями», поскольку многие их вирши начинались с восклицания «Нехай!» («Пусть!»).

Между тем приближалось время, назначенное для собора, на котором должна была решиться судьба патриарха Никона. Но некогда всесильный иерарх наотрез отказался от присутствия на соборе и после своего добровольного отречения отгородился от церковного мира глухой стеной Воскресенского монастыря. Алексей Михайлович, поначалу настроенный решительно, все же не позволил архиереям «рубануть сплеча» и прислушался к мнению Епифания Славинецкого, который сумел убедить государя, что по каноническим правилам без следствия и суда над добровольно отречшимся патриархом не обойтись. Степень его вины перед Православной церковью была не выяснена. Так на деле оказалось, что вопрос, поднятый собором, остался повисшим в воздухе.

Обретя в лице Алексея Михайловича царственного покровителя, заронив в души порфирородной родни искру почитания дара Божьего, Симеон был необычайно польщен вниманием человека, известного во всем православном мире. Человеком тем был Паисий Лигарид, митрополит Газский, который приложил немало усилий, чтобы уладить взаимоотношения царя и патриарха. Нам еще не раз предстоит встретиться с ним.

Прилив душевных и творческих сил во время пребывания монаха Симеона в Москве был столь значительным, а успех столь окрыляющим, что из-под его бойкого пера одно за другим появлялись произведения, которые озвучивал на публике либо он сам, либо его ученики. Вот далеко не все, что сотворил Симеон в Москве: «Приветство благородному и благоверному государю царевичу и великому князю Алексею Алексеевичу в день юже во святых отца нашего Алексия митрополита Киевского и всея России чудотворца», «Приветствие

благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому Государю Царю и великому князю Алексею всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу в день тезоименитого защитника его Алексея Божиего человека» и приветствие Алексею Михайловичу «... в день Воскресения Христова».

Казалось бы, заветная мечта обосноваться навсегда в Москве готова была осуществиться. Но нет! 20 сентября последовал царский указ, по которому полоцкой братии предписывалось возвратиться домой. Кое-кто из братчиков на свой страх и риск ослушался и остался в Москве. Архимандрит Игнатий Иевлиевич и монах Симеон с поредевшей делегацией Полоцка отправились в обратный путь.

Мы же зададимся вопросом: по какой причине Симеон, обласканный российским монархом и его родней, вызвавший немалый интерес у напыщенной московской знати, а в познаниях превзошедший многих из тех, кто окормлял столичную паству, не пришелся ко двору? Ведь не мог же Алексей Михайлович, питавший явное уважение к монаху Симеону, вот так запросто отмахнуться от него? Увы, мы не найдем ответа на этот вопрос ни в документах того времени, ни в бумагах дидаскала Симеона. Можно лишь предположить, что он рассуждал так: «На всё воля Божия» и глубоко затаил обиду, которую не высказывал никому и никогда. И потому по возвращению в Полоцк он с головой ушел в учительство и творчество.

Педагогом Симеон был, как говорится, от Бога, и свое учительство строил по образу и подобию православных святых, имена которых он часто произносил в классах Полоцкой братской школы. Это Павел Фивейский⁴⁵, христианский монах, прославившийся своим невиданным аскетизмом; Антоний Печерский⁴⁶, подвижник православия; Иоанн Кушник; Алексей, человек Божий, и другие.

«Сие заповедаю вам, – говорил Христос ученикам, – да любите друг друга... По тому и узнают вас, что вы ученики мои, если будете иметь любовь между собою». Эта заповедь в Полоцкой братской школе была стержнем, на котором зиждилось и образование, и воспитание. Эта любовь, утверждал дидаскал Симеон, предполагала соединение с верою добродетели, с добродетелью благоразумия, с благоразумием воздержания, с воздержанием терпения, с терпением благочестия, с благочестием братолюбия. В этой животворной цепочке педагог Симеон Полоцкий искал и находил к каждому ученику особый подход. Он не разделяет отроков на богатых и бедных, для него непредвзятость к успехам или неудачам – основа для взаимопонимания, он всецело доверяет дежурным, которых выбирает из старших, хорошо успевающих отроков, которые и на помощь отстающим готовы были прийти, и пожуричь за неприлежание или шалости.

Учитель-аскет, педагог строгих взглядов на земное бытие, православный христианин, подвижник в трудах праведных на ниве словесности – подлинный пример для подражания тем, кто с гордостью говорил: «Я – ученик монаха Симеона». С Полоцкой братской школы ведет свое начало кропотливая работа с родителями учеников. Симеон стремится убедить многих, что иночество – подлинная отдушина в мире, преисполненном неустройства и низменных страстей и что есть высший смысл бытия – служение Господу.

«Родителие, – вещает дидаскал Симеон, – не щадите жезла, аще хотите о чадах веселитися ваших: жезл бо есть злобы искоренитель и насадитель добродетелей... Чад аще не биешь, не сподобишься радости: бий первое словом, также жезлом, и отженеши жестокосердие его и яко плевелы отбиеши злоправие».

---

⁴⁵ Скончался в 341 году.

⁴⁶ Основатель пещерного монастыря в Киеве.

Скажут: недостаточно педагогично. Возможно. Однако действенно. Но вот прибежал ли на практике сам монах Симеон к битию, которое должно определять сознание? Таковых свидетельств не имеется.

Пройдут годы, и педагогический талант Симеона Полоцкого вновь проявится во всем блеске – в Заиконоспасской школе, основателем и устройтелем которой он станет в Москве. Мы же заглянем в келью монаха Симеона и поведаем о его творениях, которые принадлежат к белорусскому периоду. Но прежде всего скажем, что на ниве словесности монах Симеон был не одинок.

Вспомним, что наряду с дидаскалом Симеоном при встрече в Полоцке царя Алексея Михайловича, а затем и в Москве архимандрит Богоявленского монастыря Игнатий Иевлиевич произнес «несколько прекрасных, приличных по сему высокому торжеству речей». Иеромонах Филофей Утчитцкий, Василий Янович, Савва Капустин, вдохновленные творчеством старшего собрата Симеона, изливали свою душу и в виршах, и в декламациях. Так сама по себе в Полоцком Богоявленском монастыре сложилась небольшая, но действенная группа людей, наделенных даром Божиим и тягой к сочинительству.

В иезуитской коллегии явно забеспокоились. И было от чего. Притягательная сила кружка, где царили музы, где властвовал разум и слово, день ото дня становилась всё весомее. Влияние монахов и братчиков вскоре перешагнуло монастырские стены, а сама обитель по праву стала считаться культурным центром не только земли Полоцкой, но и всей Белой Руси. И в этом – немалая заслуга дидаскала Симеона.

Вижу добродетельных слушателей, что в круг собрались.
На какие же образы здесь посмотреть бы они хотели?

...

Прошу только, слушатель, ухо с сердцем своим согласи,
чтоб склонились доброжелательно.

И слушатели, и читатели действительно благосклонно относились к сочинениям Симеона. Творчество его поражает многоплановостью, сердечностью, любовью к граду на Двине, родному краю и, между тем, ясно дает понять: перед нами человек, отмеченный печатью учености. Аудитория Симеона Полоцкого огромна. Он пишет стихи и прозу на старобелорусском, польском и латинском языках, активно переводит творения иноземных авторов, делая их доступными для чтения юных отроков. Симеон учит:

Три закона миру даны – законами
Природы, завета и любви названы.
Более двух тысяч первых лет держался обычай
От природы добро и зло распознавать.
Ее образ видишь в сердце, слова же такие:
Твори добрые дела, оставь иные!⁴⁷

Перечислить все, сотворенное Симеоном Полоцким во времена жития его в Богоявленском монастыре, стоит большого труда. И все же нельзя оставить без внимания вирши, в которых монах Симеон воспеваает женщину, к притягательному образу которой он будет обращаться не единожды.

Ты паки мати, о Ефросиние,

---

⁴⁷ Подстрочный перевод с польского В. Былинина.

Жителей града всих удобрение,
Яже потщася икону святую
Внести из далны в страну Полотскую.
Из Царяграда, камо из Ефесе
Царь благоверный всечестно принесе.

Благодаря этим виршам становится ясно – не легенда, а подлинный образ Божией матери Ефесской или Корсунской, сотворенный, по преданию, самим евангелистом Лукой, вдохновили монаха Симеона на написание этих строк⁴⁸.

Подлинным откровением для биографов Симеона Полоцкого являются стихотворения «Витание боголюбивого епископа Калиста Полоцкого и Витебского...» и «Виншоване именин пресвященному его милости господину отцу Афиногену Крыжановскому...».

Нет, вовсе не затерялся среди православного мира Белой Руси скромный монах Полоцкого Богоявленского монастыря Симеон. И вовсе не стоит сетовать на поэтические огрехи, на выпренность поздравлений. В них кроется главное – все персоны, перечисленные в приветствии, либо «киевским гуслим лепо прычастны», либо их жизненные пути неким образом пересекались. ... Восемь лет прошло с той поры, когда за горизонтом сокрылась панорама Москвы, города, с которым Симеона связывали и светлые воспоминания, и неугаваемая надежда. Восемь лет изо дня в день молитва, пост, ученье отроков, сочинительство, в котором нет-нет, да и проскользнут безрадостные мысли. Доверял их монах Симеон только бумаге и никогда не высказывал на людях.

Видете мене, как я муж отраден,
Возростом велик и умом изряден?
...
Ума излишком, аж негде девати, –
Купи, кто хочет, а я рад продати.
...
Свое полаты за печью имею,
А про богатство хвалится не смею...

Печальная картина, а тем более обстановка, в которой не были востребованы ни талант, ни образованность дидаскала Симеона. Все чаще и чаще его посещают думы о том, что предпринять и каким образом вырваться в Москву...

В 1661 году государю Алексею Михайловичу вновь пришлось облачиться в доспехи. Хрупкое перемирие с Польшей рухнуло. На сей раз чаша весов в военных действиях не единожды колебалась то в одну, то в другую сторону. И вновь Полоцк оказался втянутым в эту многолетнюю бойню.

Поляки, как водится, прибрав к рукам град на Двине, стали выявлять тех, кто тянулся к России и был некогда осыпан милостями московского государя. Настоятель Богоявленского монастыря Игнатий Иевлиевич, без сомнения, входил в это число. Прочтем его послание к Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому: «Аще бо где яко в Полотском граде искупует время наше благочестие, жительствующее посреде врагов униатов и римлян окрест обошедших, не имея ныне, разорения ради конечного всех людей православных, ни откуду...

---

⁴⁸ В 1239 году князь Александр Ярославич (Невский) венчался в г. Торопце. Избранницей его стала полоцкая княжна Александра. Целованием иконы Божией матери Корсунской было закреплено святое таинство брака. Икона утрачена. Сохранился список, именуемый «Торопецкая Божия Матерь».

помощи». Расправа, словно дамоклов меч, постоянно висела над братчиками. В «Плачевной молитве к Пресвятой Богородице от бывших в напасти» Симеон без остатка излил горечь:

Се туга и скорбь толико стужает,
Даже в надежде дух изнемогает...

«Молитва во скорби сущего и клевету терпящего» лишь подтверждает реальные опасения монаха Симеона за свою жизнь. «Но сердце мое в тебе Боже уповает», – завершает он свои вирши.

Однако сложа руки Симеон не сидел, памятуя о поговорке: «На Бога надейся, а сам не плошай». Вспомним, что основатель Киевских Афин Петр Могила ввел правило рекомендации. Симеон Полоцкий это правило усвоил прочно. Каким образом его послания о поддержке дошли до адресатов: митрополита Газского Паисия Лигарида, который проживал в Москве, и епископа Новгородского Лазаря Барановича, который некоторое время учительствовал в Киеве, остается только строить предположения.

16 августа 1664 года Лазарь Баранович пишет Паисию Лигариду и прилагает к письму книгу иезуита Боймы «Об исхождении Святого Духа и о первенстве папы» с просьбой написать отзыв. В письме между прочим имелись и такие строчки: «Прошу сообщить книгу достопочтенному отцу Симеону Ситняновичу Петровскому, знаменитому брату моему, известного ученостью своею: пусть испытает на ней силу ума своего и окажет услугу святой церкви, пользуясь помощью твоей святыни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.